

И. Б. Дягилева (ИЛИ РАН)

**Слово в газетном тексте как объект лексикографии
(на материале русских газет 30–40-х гг. XIX в.)»**

Базовым принципом работы над «Словарем русского языка XIX века» является вычленение динамики лексико-семантической системы в качестве особого предмета лексикографического описания, что определяет актуальность обращения к исследованию газетной публицистики как «живого пульса общества» [1: 626].

Идеологизированный подход к изучению русской публицистики в советские годы приводил к употреблению большого числа штампов («деспотический гнет самодержавия», «монархический произвол», «голос протеста в защиту народных масс», «история классовой борьбы» и т. п.), а также к ограничению числа изучаемых авторов (А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, В. Г. Белинский, Д. И. Писарев, Н. А. Добролюбов). Обширные материалы «буржуазных» газет XIX в. мало учитывались при изучении исторических языковых процессов, несмотря на ведущую роль публицистики в демократизации языка в эту эпоху.

В докладе использованы материалы из ведущих русских газет первой половины XIX в. – «Северная пчела» (СП) и «Санкт-Петербургские ведомости» (СПВ)¹, которые имели большое влияние на широкие круги читателей и немедленно откликались на все злободневные события своего времени. Ориентация «Словаря русского языка XIX века» на исключение из описания всех стабильных элементов, как и общепринятые для толкового словаря ограничения, определяют отказ от включения в словарь следующих групп лексики, характерных для газетного языка.

1. Образцы официально-деловой речи в материалах, посвященных жизни императорской семьи, назначениям на высокие должности, новым указам и распоряжениям. Такие материалы обычно составляли основу рубрики «Внутренние известия» в обеих газетах: *изволил одобрить, изволил осчастливить Своим присутствием, должно надеяться, высочайше повелеть, испрашивать распоряжение, объявить во всеобщее известие; верноподданническое усердие, всемилостивейшее соизволение, всеподданнейшие просьбы* и т.п.
2. Окказиональные иноязычные вкрапления. Их употребление, по всей видимости, было связано с желанием журналиста-переводчика как можно точнее передать информацию в статьях, посвященных политике и экономике иностранных государств, или его

¹ Характеристика «Северной пчелы» как источника «Словаря русского языка XIX века» представлена в статье: Дягилева И.Б. Новая иноязычная лексика в газете «Северная пчела» (30-40-е гг. XIX в.) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. VIII. ч. 3. СПб., 2012. С. 205-218.

стремлением отразить местные особенности, колорит в материалах о культурной жизни других народов и стран. Например, в статье «Учреждение и состав парламента и палат в Англии и во Франции» насчитывается 30 иноязычных слов, в том числе докладчик – *rapporteur*, секретная балотировка посредством белых и черных шаров – *le scrutine secret*, Приставы Палаты – *Huissiers* и др. (СПВ 1847, № 64).

3. Имена собственные, часто в графике языка-источника: издания, из которых делались переводы (Courrier Francais, Guardian, Times), личные имена и фамилии (администратор банка Томас Гейрдалъ Heyerdahl, граф Сель Celles), наименования кораблей (английский пароход Lightning, бриг Savage), названия театров и спектаклей etc.

Газетная публицистика играла важную роль в процессах становления литературного языка в первой половине XIX в., влияла на процесс создания средней литературной нормы, близкой к разговорному языку образованного общества. Этим процессам способствовал уход от «архаизмов славяно-русского языка», отказ от риторических фигур, употребление народно-разговорных, обиходно-бытовых слов на страницах газетных изданий. Практическое наблюдение за этими процессами и их лексикографическая фиксация (с соответствующими пометами) представляют особый интерес для «Словаря русского языка XIX века».

Ср., например, переносное употребление глагола *ворочать* в значении «распоряжаться по своему усмотрению, управлять»: *Но не многим достается в удел **ворочать** миллионами, которые в руках благоразумных людей могут быть полезны краю, согревая, освещая (т. е. просвещая) и питая многие тысячи бедных семейств. Разумная промышленность – это солнце бедных людей!* (СП 1846, № 291, с. 3).

Изучение газетных источников позволяет выявлять редкие словоупотребления и использовать их в зоне иллюстрации словаря. Ср.: *На других низменных или **песчанноватых** местах выпила зерно ракушка, или как здесь говорят, черепашка.* (СПВ 1847, № 247). *Одни утверждают, что у нас слишком варварски обходятся с лошадьми; другие говорят, что варварства никакого нет, и что так и надобно обходиться с животными. Никто еще не сказал, до какой степени простираются в этом случае обязанности человека, и еще многое остается в **подразумеаниях**.* (СПВ 1847, № 248).

В отличие от СП в СПВ на последних страницах печатались объявления. В них широко представлена самая разнообразная бытовая и специальная лексика: *часы с репетиром, карсельская лампа, докторка, равендух, ренклодовый, трип* и др.

В 30-40-е гг. XIX в. происходит быстрое пополнение словарного состава русского языка за счет заимствований. Большую роль в этом процессе играют газеты. Их материалы позволяют изучить и описать

процессы нормализации в сфере заимствования, проследить процессы адаптации иноязычной лексики в русском языке.

Одним из примеров иноязычного вкрапления, позже стремительно вошедшего в русский язык, может стать слово *gripp*: *Напрасно некоторые утверждают, что есть новые болезни; их нет: оные или уже появлялись прежде сего, или только подвергались переменам во времени. К сему последнему классу болезней принадлежит ныне свирепствующая катарральная эпидемия, которую Немцы называют Русским катаром, Французы la grippe, а Врачи вообще инфлюэнцею (от слова Influentia, влияние).* (СП 1833, № 23, с. 2).

Как видно из вышеприведенной цитаты, в России в начале века употреблялось слово *инфлюэнца* (*инфлюенца, инфлуэнца*), которое не вышло из языка и позже. В различных словарях до конца XIX в. сохранились взаимные отсылки у слов *инфлюэнца* и *gripp*. Однако, уже начиная с конца 30-х гг., *gripp* становится широкоупотребительным словом и фиксируется в словаре В. И. Даля.

Иностранное слово в виде иноязычного вкрапления могло передавать в газетном тексте новое понятие, неизвестную ранее реалию. Например: *В продолжение первых трех входов, мелкие блюда (*) остаются на столе. Hors d'oeuvres обыкновенно ходят по рукам вокруг стола: если дойдут до вас, то пусть твердо останоятся, как столпы Геркулесовы.* (СП 1833: № 11, с. 3 (Уложение хорошего вкуса – на пиршествах)).

В сноске (*) внизу страницы пояснялось значение незнакомого слова: «Hors d'oeuvres, т. е. масло, сыр, анчоусы, икра и т. п.», то, что в современном русском языке мы называем *закусками*. В Словаре русского языка XVIII в. слово *закуска* зафиксировано со значением «еда для заедания выпитого» и «сладкие блюда, вареные в сахаре фрукты». Со второй половины XIX в. французскому слову *hors d'oeuvres* стало соответствовать новое значение слова *закуска* – «кушанья, употребляемые перед обедом или ужином для возбуждения аппетита».

Изучение газетных текстов позволяет проследить и становление интернациональной терминологии. Исследование интернациональной лексики в первой половине XIX в. показывает, как, с одной стороны, могут быть сходны пути вхождения нового слова из одного языка в другие в конкретный исторический момент и, с другой стороны, как быстро оно начинает употребляться в специфическом значении, попадая в определенную национально-культурную среду.

Существенным фактором для интернационализации слова – при характерном для XIX в. внимании к открытиям в различных сферах науки – следует признать его принадлежность к актуальной терминологии, когда выражаемое термином понятие становится предметом общественного внимания и обсуждения. Например, открытие хлороформа в 1831 г. и его

анестетических свойств в 1847 г. привело к вхождению этого термина из французского языка во все европейские языки: chloroforme (фр.), chloroform (англ.), Chloroform (нем.), chloroformio (исп., ит.). Газеты Москвы и Петербурга были полны сообщений об уникальном веществе, способном усыпить человека на время операции. Эдинбургский профессор Симпсон впервые применил хлороформ 10 ноября 1847 г., а 2 декабря он был опробован врачами в Санкт-Петербурге. Ср.: *Вот, например, мы благоговеем пред иностранными гениями, открывшими хлороформ, и 2-го Декабря были свидетелями первого опыта в Мариинской больнице.* (СП 1847, № 276). *9-го сего Декабря, в Госпитальной Клинике Императорского Московского Университета .. сделан был первый у нас в Москве опыт над употреблением хлороформа при хирургических операциях.* (СПВ 1847, № 290).

Уже 31 декабря фиксируется и переносное употребление нового слова. «Точкой смысла» [Кутина 1976: 29] послужило свойство хлороформа усыплять и приводить в бесчувственное состояние. Бесчувствие в русском сознании в сочетании с прилагательным *нравственный* переосмыслялось в бездушие, т. е. в качество бездушного человека, «поступающего так, будто в нем не было человеческой души, бесчувственного к страданиям ближних, черствого, холодного, samotного, себялюбивого» (Даль). Позже, в 1860 г., в рецензии Н. К. Михайловского на главы из романа И. А. Гончарова «Обрыв» этот компонент переосмысления слова *хлороформ* проявился наиболее явно. Ср.: *Мы .. находимся под влиянием нравственного хлороформа, притупляющего чувство добра и зла, и в фантастической дремоте представляющего нам мелочи в гигантском виде, бесцветное в радужных красках, и помрачающего истинно великое и прекрасное.* (СП 1847, № 294). *Какой же нравственный хлороформ довел ее до такого бесчувствия, что довело ее до такого эгоизма? Человек создан для жизни общественной; он не имеет права отчуждаться от общества, да и подобное отчуждение бывает губельно для него самого* (Н. К. Михайловский. Софья Николаевна Беловодова).

Наблюдения над интернационализмами в газетных текстах показывают, в каких сферах происходило пересечение в развитии лексических систем разных языков. К наиболее пополняемым лексическим группам можно отнести этнонимы (кабилы, фр., англ., нем. Kabyle, отаитяне/таитяне, фр. otahitien/tahitien, англ. otahitian/tahitia etc.), наименования тканей, предметов и деталей одежды, цветов (жаконет, англ. jaconet, фр. jasonas; боа, фр., англ., ит. boa; накара, накаратовый цвет, исп. Nacara, фр., англ. nacarat), терминологию различных видов искусства (пируэтировать, фр. pirouetter, англ. pirouette; фермата, ит., англ. fermata, нем. Fermate, редова, чеш. redowa, англ., фр. redova, нем. Redova),

экзотизмы (каик (из тур.), англ., нем. Kaik; веттурино, ит., англ. vetturino) и др.

Наиболее обширную группу заимствований/интернационализмов составляет группа общественно-политической лексики. Основу политических новостей этого времени составляли новости из-за границы: сообщения о борьбе за власть, за новые территории, колонии, сообщения о военных действиях и религиозных конфликтах, что обусловило употребление в русском языке большого числа новых слов, обозначающих названия политических партий и групп (*антиюнионисты, карлисты, зондербундцы, локофоки, мигуэлисты, модерадосы, монтемолинисты, педристы, радикалы, репилеры, сентябристы/сентябры, синтагматики, хрестиноссы, юнионисты*), религиозных объединений, союзов, движений (*диссентеры, оранжисты, пьюзеисты, репилеры*), наименования органов политической и судебной власти (*стортинг* – парламент в Норвегии, *ассизный суд* – суд присяжных во Франции и Англии) и др.

В газетных статьях фиксируются первые употребления терминов, ставших важной составной частью политического лексикона второй половины XIX в.: *коммунизм, коммунистский, социализм/социализм, социальный* и др. В 40-е гг. их осмысление связано с Францией и имеет ярко выраженную негативную коннотацию. Ср.: *Все истинные знатоки и любители Французской Литературы посещают Я. А. Исакова в Гостином Дворе, зная, что у него найдут все лучшее, по дешевой цене, что только дозволено к привозу. О недозволенном, право, жалеть нечего! Это или гнусная клевета, или яд социализма и коммунизма, выродки свободного книгопечатания.* (СП 1847, № 281).

В художественно-публицистических материалах газеты активизировались различные способы номинации, шел поиск новых словоупотреблений. На страницах СП широко употреблялись термины в расширительно-переносном осмыслении, окказиональная лексика, в которой отразились словообразовательные тенденции этого периода. Ср.: *Получив большие партии чая, некоторые из торговцев складывают цибики в кладовые .. и вместо того, чтобы смешивать Китайский чай с доморощенным Иваном-чаем, как бывало прежде, начинают **анатомировать** цибики, т. е. расшивают их, вынимают по несколько фунтов чая, и снова зашивают, как будто ничего не бывало.* (СП 1846, № 288). *Драма – это **анатомия** сердца человеческого.* (СП 1846, № 288, с. 1). *Читатели вообще мало верят похвалам, почитая их пристрастием, духом партий, или **аккомпаниментом obligato**.* (СП 1846, № 290). *Она <Петербургская барышня> приятно поет **Итальянские арии** – и придерживается партии **анти-россинистов**.* (СП 1833, № 4, с. 3). *Теперь все наши писатели – гении, .. а гении ничего не слушают. Недовольные их сочинениями, это все или невежды или завистники. Все это можете вы*

прочсть в созданной, в последние два месяца, новой афишечно-объяснительной литературе». (СП 1846, № 288, с. 2).

Вышеизложенные положения доклада позволяют сделать ряд выводов.

- Изучение русских газет является важной составной частью историко-лексикологического описания русского языка XIX в., позволяет проследить динамику лексико-семантической системы, объективно отражает разнообразные языковые процессы, характеризующие развитие русского языка в этот период.
- Материалы газет могут стать основой для решения целого ряда задач «Словаря русского языка XIX века», а именно: временной характеристики, показа вариантности, речевой употребительности слова и ее изменений, объяснения происхождения слов, семантической характеристики слова и его сочетаемостных возможностей. Также следует признать важность газетных текстов для зон иллюстрации и историко-культурного комментария словаря.

Литература

1. *Белинский В.Г.* Общее значение слова литература // Цит. по: Словарь русского языка XIX века: Проект. СПб., 2002. С. 41.
2. *Кутина Л.Л.* Термин в филологических словарях // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976. С. 19–30.